

Сознание вернулось к Самолетову мгновенно, без перехода, без всякой сумеречной мути. Еще секунду назад в его голове была пустота, и вдруг, как по щелчку выключателя, нейроны в мозгу Евгения Львовича выстроились в правильные цепочки и подключили органы чувств. Первыми возобновили работу слух и осязание. Осязание подсказало, что он сидит привязанным к стулу, а возвращение слуха наполнило пространство вокруг пленника голосами. К помощи зрения Евгений решил пока не прибегать и остался сидеть с закрытыми глазами, с безвольно поникшей головой.

Рядом с Самолетовым разговаривали двое мужчин.

— Наши боссы в Лэнгли определенно рехнулись. Ну скажи на милость, какие тайны может знать эта образина? Что вообще секретного может знать какой-то полицейский из Сибири? Он, кстати, еще не очнулся?

— Пока вроде бы нет.

— Даю гарантию, — слышалось бульканье жидкости из бутылки, — главная тайна нашего «нового друга» — это возраст, в котором он в первый раз занялся онанизмом.

Собеседник вульгарного незнакомца засмеялся. Шутку оценил.

«Это американцы, — догадался Евгений Львович. — Только они считают пошлость в разговорной речи неотъемлемым признаком свободы слова и демократии».

— У него, кажется, веко дернулось, — заметил один из похитителей.

— Женя, — Самолетова легонько похлопали по щеке, — или ты сейчас подашь признаки жизни, или мы тебе на работу сообщим, что ты без разрешения начальства за границу выехал.

Евгений Львович бросил притворяться и открыл глаза.

Прямо перед ним стоял высокий седовласый мужчина лет сорока, одетый в рубашку-поло с расстегнутым воротом. Немного поодаль, на стуле, с бокалом виски в руке, сидел второй американец, в темных очках, в светлом пиджаке при галстукке. У обоих похитителей к одежде были прикреплены пластиковые карточки с именами.

«ЦРУ США. Специальный агент Джон», — прочитал Самолетов у седовласого. Щеголь на стуле оказался агентом Гарри.

«Строго у них, в ЦРУ, — решил Евгений Львович. — У нас бейджики только перед приездом большого начальства нацепляют, а тут, видать, постоянно носят».

— Что-то ты нерадостный, Женя. Переживаешь, что к нам попал? — «участливо» спросил агент Джон. — Ты не горюй, Женек! Мы с тобой немного поработаем и отпустим. Мы же не изверги какие-то, хорошему человеку отпуск портить.

«Влип!» — подумал о себе как о ком-то постороннем Самолетов.

— Майк! — властно позвал человек с бокалом. — Заходи, пора за дело браться!

В комнату вошел огромный, обнаженный по пояс лысый негр с резиновой дубинкой в руках. Эбонитовая кожа палач лоснилась от пота, накачанные анаболическими мышцами угрожающе бугрились. Бейджик «Майк» был прикреплен к поясу широких, свисающих сзади штанов.

«Вот теперь точно влип! — пленник облизал пересохшие губы. — Бить будут, сволочи. Дернул же меня черт приехать на этот остров Родос! А ведь как все хорошо начиналось!»

Началось все в Новый 2014 год, который Евгений Львович встречал в кругу семьи. Результатами прошедшего года глава семейства был доволен: его повысили в должности до начальника штаба районного отдела полиции, дети хорошо учились, со здоровьем проблем не было. Отношения с супругой, Натальей Павловной, неприятностей не предвещали.

Примерно часа в три ночи, когда дети ушли спать, жена, как бы между прочим, заявила, что ждет исполнения своей давней мечты.

— Я готов! — бодрячком встрепенулся Евгений. Он, наивный, подумал, что жене взбрело в голову заняться в новогоднюю ночь любовью.

— Если готов, то купишь мне в этом году норковую шубу. Длинную. С капюшоном.

— Наташа, ты представляешь, сколько такая шуба стоит? — начал было сбитый с толку Самолетов.

Начал — и тут же проиграл. Наталья Павловна была хорошим стратегом, и в семейных спорах счет был неизменно в ее пользу.

— Хорошо, Наташа, я согласен, — после скоротечного выяснения отношений сдался Самолетов. — Будет тебе шуба. Но на какие шиши? Потратим деньги, которые отложили на ремонт квартиры?

— Женя, не волнуйся, я все продумала! Никакие ремонтные деньги трогать не будем. Мы поступим проще, как все нормальные люди: поедem в отпуск в Грецию и там все купим. В Греции, в сезон летних распродаж, отличная шуба обойдется нам не дороже полутора тысяч евро.

— Полторы тысячи евро — это сколько в рублях? — подавленно осведомился Евгений.

— Немного. Семейный бюджет выдержит.

В начале марта супруги забронировали тур на двоих на остров Родос. Сына и дочь-студентку решили с собой не брать, да они и не выказывали особого желания поплескаться в море под пристальным надзором родителей. Дома нравоучения надоели.

Беда пришла, откуда не ждали: уже в апреле, в связи с присоединением Крыма и обострением отношений с Украиной, всем полицейским России запретили выезд за границу.

— Неужели во все страны запретили? — Наталья Павловна была ошарашена такой подлостью правительства. Шуба, долгожданная шуба, уплывала прямо из-под носа.

— Только в Китай и Вьетнам можно.

— Ты издеваешься, Женя, какие во Вьетнаме шубы? Какой Китай? Меня в китайской шубе все знакомые засмеют. — Наталья представила, как подружки зубоскалят, обсуждая ее в ошипанной китайской шубенке, и застонала от отчаяния: — Только не в Китай! Ни за что!

У Самолетова и самого на душе было невесело. Он уже морально настроился понежиться на ласковом средиземноморском бережку, попить хорошего вина, поглазеть на древние замки, а тут на тебе, такой облом!

— Женя, я что-то не пойму, а в честь чего вам выезд за границу запретили? Раньше же ничего подобного не было.

— Говорят, что за границей против нас сотрудники западных разведслужб готовят провокации.

— Чушь какая-то! Кому вы там нужны.

— Да все это понимают, Наташа! Не в провокациях дело. Этим летом в Крыму туристов явно поубавится, вот нам и намекают, куда надо ехать отдыхать. Представь, в стране миллиона два сотрудников силовых ведомств, плюс члены их семей. Даже если треть из них поедет в Крым, то все санатории на полуострове будут заполнены, и экономика Крыма безболезненно выдержит переходный период. Это политика, дорогая, тут ничего не поделаешь!

— Плевала я на твою политику, понял! Оставайся дома, без тебя поеду. — Наталья взбешенной пантерой прошлась по дому, прикидывая, как бы ей не пролететь с шубой. — Кстати, а как насчет того, что у нас уже тур оплачен?

— Сказали, что турагентства все вернут. Кто хоть копейку себе оставит, всех позакрывают. Да ты не волнуйся, Наташа, получим назад деньги и купим тебе шубу.

— Ну уж нет! Я уже на отпуск настроилась. Если ты не поедешь, то сына с собой возьму.

— Нет! — раздался из дальней комнаты вопль подслушивавшего отрока. — Гальку с собой бери!

— У Гали экзамены будут, она поехать не сможет. Ладно, если с тобой, Женя, не получится, то я одна съезжу, отдохну от вашего дурдома.

— Поезжай, — пожал плечами Самолетов.

Он был уверен, что без него супруга никуда не полетит.

Но что-то нехорошее закралось в душу. Какие-то сомнения стали одолевать его: «А вдруг Наташка рискнет и поедет без меня? Что она там делать будет, скушать или...»

На службе Евгений Львович нашел повод поговорить с одной сослуживицей, годами немного постарше его Натальи. Коллега эта, как слышал Самолетов, в прошлогодний отпуск ездила одна, без мужа, который остался сдавать какой-то шишко важный строительный объект.

— Ты не в Греции давеча отдыхала? И как там?

— О! — сослуживица картинно закатила глаза. — Слов нет, как там классно! Средиземноморские острова — это рай на земле!

— Ни с каким там греком не познакомилась? — игриво подмигнул Самолетов.

— Какие греки, Евгений Львович, там русских мужиков полным-полно! И все как на подбор: и холостые, и при деньгах. Но я девушка строгих правил, от мужского общества держалась подальше. Так что намеки ваши беспочвенны!

Сослуживица так засмеялась, что было понятно: у мужа ее, после этой Греции, отрошков в рогах заметно прибавилось. Ветреная была коллега. Не то что Наталья.

«А с другой стороны, Наталья что — не женщина, что ли? — все больше и больше мрачнел Самолетов. — Вино ведь на отдыхе всем голову кружит. Пойдет Наташка после пляжа в бар, познакомится там с каким-нибудь нефтяником, у которого все карманы евро набиты. Он ее коктейлем угостит, потанцуют, погуляют вдоль берега моря... При желании даже в отель можно не возвращаться. На любом пляже пустых лежаков полным-полно».

Как ни гнал от себя Евгений Львович дурные мысли, все равно они лезли в голову.

«Одну жену отпускать нельзя, — решил Самолетов. — Даже если она святая, то все равно нельзя. Даже если она будет себя вести на отдыхе как примерная пионерка, то и тогда нельзя. Ни к чему рисковать на ровном месте. Пусть лучше дома посидит, ремонтом займется».

Но не тут-то было! Наталью Павловну свернуть с намеченного пути оказалось так же невозможно, как плевком остановить паровоз.

— Черт с ним, едем вместе! — окончательно сдался не выдержавший натиска муж. — Напишу в рапорте на отпуск, что проведу его в деревне у родителей, а сами рванем в Грецию. Бог не выдаст, свинья не съест!

Весной 2014 года все российские туристы, намеревающиеся отдохнуть в странах Европы, находились в подвешенном состоянии. Каждый день телевидение доносило до них вести о введении странами Евросоюза все новых и новых санкций в отношении России и ее отдельных граждан. К лету супруги Самолетовы стали серьезно опасаться, что развитие событий пойдет по худшему для них сценарию: либо страны ЕС запретят русским въезд на свою территорию, либо собственное правительство запретит выезд из страны.

Призрак «железного занавеса» возвращался. Санкции крепчали.

Второго июня украинские войска пошли на штурм Славянска, но получили там по зубам и на время затихли, зализывая раны и готовясь к новому наступлению.

Посмотрев репортаж об отражении атак на Славянск, Евгений Львович воскликнул:

— Все, привет, это начало гражданской войны! Теперь они не успокоятся, пока не разгромят повстанцев.

— Не могли они немного попозже войну начать, когда мы уедем! — сокрушалась Наталья. — Теперь точно границу перекроют. Далась Евросоюзу эта Украина, нашли из-за кого санкции вводить! Что-то когда они наш газ воровали, на них никто санкции не накладывал.

— Они же наш газ воровали, вот вся Европа и закрывала на это глаза. Попробовали бы хохлы у немцев газ спереть, те бы их живо придушили...

По телевизору между тем шел репортаж, что украинские националисты клеймят всех русских словами «ватники» и «колорады», мол, все русские ходят в стеганых телогрейках с георгиевскими ленточками на груди. «Колорадо» звучало из уст вчерашних братьев-украинцев особенно глупо, ведь колорадский жук-вредитель пришел на их поля не из России, а из горячо любимой Америки.

— Я думаю, Наташа, что в этом году нам выехать удастся, а вот на следующий год границу точно перекроют.

— Жень, — супруга обняла мужа, потерлась носом о его щеку, — если опасно, то черт с ней, с шубой, давай никуда не поедем! Посмотри, что в мире делается! Везде нас, русских, притеснять будут.

— Не говори ерунды и не путай бытовые отношения с политикой! Кто тебя в Греции притеснять будет, служащие отеля, что ли? Или торговцы сувенирами? Мы едем в самую дружелюбную к русским страну Европы, а не на Украину. Это на Украину теперь русским въезд запрещен, а в Грецию — добро пожаловать! Особенно, если деньги есть.

Будучи штабным офицером, Евгений Львович подошел к обеспечению безопасности отъезда со всей ответственностью. Уже за месяц до начала отпуска он, как бы между делом, оповестил всех сослуживцев, что этим летом будет отдыхать у родителей в отдаленной глухой деревне в соседней области. Сотовой связи в этой деревне нет, так что удивляться его отсутствию в зоне доступа не стоит. Тщательное изучение документов о запрещении сотрудникам полиции выезда за границу показало, что официального приказа на этот счет нет, а есть только директива с «рекомендациями». Отсутствие приказа гарантировало, что из МВД в пограничную службу не передали списки сотрудников, которым запрещен выезд за рубеж, то есть граница для него открыта.

«Итак, — рассуждал Самолетов, — я ухожу в отпуск и на две недели выпадаю из зоны общения с внешним миром. За две недели, надеюсь, катастрофы не произойдет, так что мое отсутствие в стране никто не заметит».

Под «катастрофой» Евгений подразумевал начало войны между Украиной и Россией или общегосударственный мятеж по примеру киевского майдана. Об опасностях, которые могут подстергать российского полицейского в стране НАТО, он даже и не думал. Да и совершенно никто в стране не верил, что западные разведки спят и видят, как бы им опорочить честь какого-нибудь сотрудника ГАИ из поселка на реке Чулым.

И вот в середине июля долгожданный час настал, и супруги Самолетовы совершили семичасовой перелет из Новосибирска в аэропорт города Родос. Побег состоялся. Отпуск начался!

Евгений Львович и Наталья были за границей в первый раз. Они морально приготовились удивляться, но, что чудеса начнутся так быстро, честно говоря, не ожидали: вместо придирчивого и бдительного таможенного контроля не было ничего. Ничего в прямом смысле слова. Никто, ни единый служащий, не поинтересовался содержимым их багажа. Мало того, на всем пути от трапа самолета до выхода из аэропорта им не встретилось ни одной рамки металлоискателя. К туристам греки относились исключительно лояльно.

В автобусе, развозившем гостей острова по отелям, была приятная прохлада. За окном слева простиралось безбрежное море, справа высились горы, расчерченные рядами оливковых деревьев. Экзотика! А после серой мрачной Сибири действительно сказка.

Но все это только начало. Минут через десять автобус въехал в город Родос, который встретил туристов высоченными крепостными стенами и средневековыми башнями Дворца Великих Магистров.

— Мать его, — пробормотал пораженный Евгений, — это же настоящая крепость! Как на картинке!

И крепость эта была впритык от дороги, метрах в пяти от окна. Напротив въезда в цитадель, в порту, стоял военный катер, немного подальше высились громады океанских лайнеров.

Самолетов как-то в детстве побывал на Красной площади в Москве и был немало удивлен тем, что она в действительности гораздо меньше, чем казалась по телевизору. Кремль на него впечатления не произвел. Здесь же был обратный эффект — Старый Родос пленил Евгения Львовича, очаровал, околдовал, одурманил. Ему захотелось немедленно выйти из автобуса и проверить, что же скрывается за крепостными стенами, не ходят ли по узким улочкам рыцари в сверкающих доспехах, не продают ли на главной площади невольников.

— Мать его, стоило рискнуть, чтобы увидеть такое!

— Женя, — прервала восторги супруга, — что ты всю дорогу лаешься, как сапожник! Сиди тихонько и слушай гида.

Сопровождающая туристов девушка заученно вещала:

— На том месте, где вы можете сейчас видеть колонны с оленями, по преданию, стояла огромная статуя бога Солнца — Колосс Родосский. Еще в древние века, во время землетрясения, статуя была разрушена, но ее восстановили. Потом она еще раз сломалась, и чинить ее уже не стали.

— Наташа, что мне ее слушать, она же чушь несет! Как можно «чинить» одно из чудес света? Электропроводку в нем поменять, что ли? Статуя сломалась! Бред какой-то.

Если бы Евгений Львович был опытным туристом, то он бы знал, что гиды, как правило, рассказывают свою версию исторических событий и ради пушного

эффекта привирают кто во что горазд. Опытные туристы гидов не слушают, а все полезные сведения узнают из путеводителей.

Отель, где разместились Самолетовы, был расположен километрах в пяти от города Родоса, на берегу уютной бухты. В отеле супругам понравилось абсолютно все: номер, обслуживание, еда в столовой. Немного передохнув после перелета, они отправились на море.

— Что скажешь? — спросила вечером Наталья. — Не жалко, что столько денег вбухали?

— Знаешь, дорогая, я ощущаю себя дураком. Столько лет мы имели возможность ездить по заграницам, а сидели дома. Теперь, когда мы поняли, какой должен быть настоящий отдых, все накроется медным тазом.

— Ты думаешь, границу перекроют?

— Сама послушай! — Евгений Львович прибавил звук у телевизора.

Шла новостная программа Би-Би-Си. Кадры заседания украинского парламента перемежались с кадрами боевых действий на Востоке Украины. О чем говорили дикторы, было не понять, супруги английского языка не знали, но каждое третье-четвертое слово было «раша». Вся передача: «раша», «раша», «раша». И каждый раз это слово произносилось или с презрением, или с ненавистью, или с угрозой.

Английских репортеров сменили украинские политические деятели, дававшие интервью на родном языке. Судя по интонациям, хорошего о России они тоже ничего не говорили.

— Послушай, Женя, а почему все говорят, что украинский язык родственный нашему? Я ничегошеньки не поняла, что этот лысый толковал.

— Он говорил, что русские — это исторически главные враги независимости Украины.

— Вот ведь сволочи, столько лет на нашей шее сидели, и нас теперь во всем винят! Нужна нам эта Украина! Давно бы границу перекрыли и выгнали бы всех их гастарбайтеров назад. Жень, а ты что, по-украински понимаешь?

— А чего тут понимать! У этого кролика только что жало змеиное изо рта не высовывается, а так весь ядом исходит. Все, других событий в мире нет? Только мы и Украина? Асад больше не актуален, в Ираке мир наступил? А мы еще жалеемся, что у нас все события предвзято показывают. Тут то же самое, только с другой стороны.

Выключив телевизор, супруги пошли в бар, где, выпив по паре коктейлей, забыли о политике.

Несколько дней Самолетовы посвятили пляжному отдыху. Соседями по облюбованному им лежаку частенько оказывалась семейная пара с Урала. Мужчина представился Григорием, бывшим военным. Жену звали Вера.

Григорий на Родосе вел жизнь человека-амфибии. Приходя на пляж, он надевал маску, ласты и уходил исследовать подводный мир. Отсутствовал он подолгу, иногда больше часа. Супруга его предпочитала нежиться на солнце.

Волей-неволей русские разговорились о политике и санкциях.

— Женя, — посоветовал новому знакомцу отставной военный, — могу тебе дать дельный совет: спрячь пульт от телевизора и не смотри никаких новостей. Ничего хорошего западные телекомпании о России не скажут. Отдыхай, наслаждайся жизнью, а с Украиной как-нибудь без тебя разберутся.

— А если война начнется?

— Кого с кем? Кто будет воевать с Россией, у которой есть ядерное оружие и решительный президент? Украина на нас нападет, решит Крым силой отобрать? Так для них это самоубийство — недели не пройдет, как наши танки в Киев войдут. Или думаешь, войска НАТО в Севастополе высадутся? Ничего подобного не будет.

Никакая Украина, ни с Крымом, ни без Крыма, НАТО даром не нужна. Им нужна безопасность газовой трубы, а не территориальная целостность государства, где местные олигархи не могут выяснить, кто из них главнее. А то, что нас американцы с англичанами не любят, так, по большому счету, им и любить-то нас не за что. Мы же не голландцы какие-нибудь, чтобы им сапоги лизать.

— А Украина...

— Женя, — жестко перебил Самолетова Григорий, — никакой Украины как единого сложившегося веками государства нет, не было и не будет. Есть две части Украины: одна из них — Восточная, которая не знает, чего больше хочет — жить задарма за счет Запада или по старинке с России соки сосать. А другая часть — это Западная Украина, исторически часть Польши. Так вот, западные украинцы нас всегда ненавидели и будут ненавидеть. На кой черт Сталин их присоединил, до сих пор ума не приложу.

— Мужики, — вмешалась жена Григория, — вам больше поговорить не о чем? Идите лучше пива попейте, а то на вас уже люди стали оборачиваться.

Самолетов последовал совету бывшего военного и телевизор больше не включал.

На пятый день отпуска Евгений Львович и Наталья решили съездить в город. К услугам экскурсоводов, после рассказа о сломанном Колоссе Родосском, прибегать не стали.

Ранним утром, пока не наступила изнуряющая жара, они на обычном рейсовом автобусе доехали до центра города Родос. Неподалеку от конечной остановки высились крепостные стены, так влекущие Евгения Львовича. С другой стороны дороги пестрели витринами магазины модной одежды. Посоветовавшись, супруги решили, что вначале осмотрят Старый Город, а в оставшееся время ходят по магазинам.

На входе в крепость, около арочных ворот, среди потока туристов суетились женщины в длинных цветастых одеждах, играли на гармошке смуглолицые дети. Евгений не захотел идти мимо попрошаек и свернул направо, вдоль крепостной стены. Благо посмотреть там было на что!

Высота и мощь стен крепости Родос поражала. Но еще более удивился провинциальный полицейский фортификационному устройству Старого Города. До того, как шагнуть под стены Родоса, Евгений Львович полагал, что «крепостной ров» — это нечто наподобие канавы, вырытой с наружной стороны крепости. Но оказалось все не так. Древние строители Родосской крепости не могли возвести ее на возвышенности, так как крепость должна была защищать гавань, то есть низину. Высота стен также была ограничена технологиями средневековья, когда не было ни подъемных кранов, ни бетона. Венецианские военные архитекторы, по заказу крестоносцев возводившие укрепления, пошли другим путем — периметр города они обнесли широким глубоким рвом, скаты которого обложили массивным камнем. Со стороны города венецианцы возвели невысокую стену, а с другой стороны рва ничего строить не стали. Теперь завоевателям, чтобы проникнуть в город, необходимо было вначале спуститься в ров, а потом каким-то образом карабкаться на стены, уходившие в небеса. И все это под обстрелом, под градом камней и пуль. Немудрено, что Родосская крепость за три столетия выдержала множество штурмов и осад.

Евгений Львович радовался прогулке как мальчишка. Каждый рыцарский герб, каждая башня вызывали у него неподдельное восхищение. Наталье же поход вдоль бесконечной стены стал быстро надоедать. Ничего достопримечательного во рву она не заметила.

— Женя, давай отсюда выходить, — потребовала супруга после очередного поворота. — Посмотри вокруг, мы одни тут бродим!

Самолетов уже и сам понял, что опрометчиво свернул с главной дороги. Под палящим солнцем восторгов у него поубавилось, а главное, было совершенно непонятно, как же выбраться из этого рва. Не назад же идти!

— Наташа, что ты ныть начала! Можно подумать, каждый день вдоль такой крепости ходишь! Потерпи немного, сейчас подойдем к другому входу в город. Представь лучше, каково было древним воинам в полном облачении стоять на этих стенах.

— Воинам твоим деньги платили, а я задарма за тобой уже битый час по солнцепеку плетусь.

Но тут показался мостик, перекинутый от городских ворот, и супруги поднялись наверх, где за крепостной стеной бурлила жизнь и процветала торговля всякой всячиной.

В Старом Городе, ориентируясь по указателям, Евгений вывел жену к площади с фонтаном.

— Удобное место встречаться, если потеряешься, — заметил он. — Посмотри, сколько тут вокруг всяких ресторанчиков.

Словно уловив, о чем он говорит, от каждого заведения к ним направилось по зазывале. На всех мыслимых языках они стали наперебой предлагать зайти внутрь, покушать, попить вина. Некоторые из зазывал говорили по-русски.

— Пошли отсюда! — Наталья устала от этой экскурсии, ей хотелось вернуться в отель, в тишину и прохладу. Бесцеремонные зазывалы ее просто пугали. Навязчивость их вызывала раздражение.

Быстрым шагом покинув площадь с фонтаном, супруги вышли на прямую, как стрела, но неширокую улицу Рыцарей. До Дворца Великих Магистров, конечной точки их путешествия, оставалось совсем ничего, пара кварталов.

На главной улице Родоса Самолетовы разделились: потерявшая всякий интерес к памятникам средневековья Наталья пошла вперед, а Евгений Львович немного отстал, фотографируя на память всех горгулий на фасадах зданий.

У какого-то проулка, ведущего во дворы, Евгений почувствовал несильный укол в спину. Он даже не успел обернуться и узнать, что происходит, как потерял сознание. Последнее, что запечатлел его угасающий мозг, была фигурка ничего не подозревающей Натальи, отдалявшейся все дальше и дальше.

Открыв рот в немом крике, Евгений Львович стал заваливаться набок, но двое шедших позади мужчин ловко подхватили его под руки и завели-занесли в узкий проулок между домами.

Дойдя до входа во Дворец Магистров, Наталья обнаружила, что любимый муж пропал. За те несколько секунд, пока она беспомощно озиралась по сторонам, какие только мысли не посетили ее! О чем только она не подумала! Но факт оставался фактом — муж бесследно исчез, растворился, бросил ее одну в чужом, полном опасностей городе.

«Если это шутка и он где-то спрятался, чтобы посмотреть на мою реакцию, то сегодня настанет последний день в его жизни, — решила Наталья Павловна. — Я сама, собственноручно убью его. Лучше отсижу в местной тюрьме, но такого издевательства над собой терпеть не буду!»

Прошла минута, другая, но провинившийся супруг не появлялся.

«А если с ним стало плохо и его увезли в больницу? Может, у него сердце прихватило, а я о нем всякие гадости думаю?»

Потопгавшись на одном месте, Наталья в поисках мужа пошла обратной дорогой, в начало улицы. Она пошла бы и дальше, но была у Натальи Павловны одна особенность: она совершенно не могла ориентироваться в незнакомом городе. Посмеиваясь, муж называл это «пространственным кретинизмом».

Возвращение к исходной точке ничего не дало. Супруга не было.

Еще не осознав наступившую катастрофу, одинокая русская туристка вернулась к Дворцу.

«Мать его! — как и все сибирячки, в стрессовой ситуации Наталья переходила на ненормативную лексику. — Я так по этой улочке буду до ночи шастать туда-сюда. Надо что-то делать. Может, попросить помощи у полицейского?»

И тут до нее дошло, что любая просьба о помощи к официальным властям обернется для мужа большими неприятностями: в отпуск-то он уехал нелегально, втайне от начальства. Местная полиция, конечно же, начнет поиск Евгения Львовича, но информация об этом инциденте просочится в российское консульство, оттуда в Москву — и все, карьера мужа в МВД будет досрочно окончена. Выгонят без выходного пособия.

Рядом с застывшей у ворот Дворца Натальей прошла группка девушек, разговаривавших между собой по-русски. Встрепенувшись, она догнала соотечественниц и спросила, как пройти на площадь с фонтаном, вокруг которой расположено множество ресторанчиков и кафе.

Посмеиваясь, девушки указали ей дорогу и объяснили, куда нужно будет повернуть. Отойдя на несколько шагов, Наталья услышала, как одна из девчонок бросила ей вслед: «Колорадо!» Но значения этому не придавала. Жара и обреченность притупляют бдительность.

Доверчивая Наталья пошла в указанном направлении и быстро заблудилась в дебрях Старого Города.

Так уж устроен исторический центр Родоса, что, свернув с оживленной улицы с рядами сувенирных лавок и навязчивыми продавцами, попадаешь в совсем другой мир, где время остановилось в период правления крестоносцев. Здесь пред взором любопытного путешественника предстанут выстроенные пятьсот лет назад дома, в которых, как ни странно, до сих пор живут люди. Здесь полно разрушающихся зданий и снуют субъекты подозрительной наружности. Здесь не место для прогулок одинокой женщине.

Мобилизуя остатки силы воли, Наталья бодрым шагом пошла куда глаза глядят, лишь бы выбраться в людное место.

«Значит, так, — рассуждала она, — муж сказал, что если потеряемся, у фонтана самое удобное место для встречи. Я пошла к фонтану, а пришла черт знает куда. Меня сюда направили девушки с желто-голубыми ленточками. Украинки. Зря я купилась на родную речь, ох зря! Специально ведь, стервы, в другую сторону дорогу указали. Мстят за Крым, что ли?»

И тут перед ее глазами предстала знакомая улица Рыцарей, на которую она вышла из какой-то подворотни. Ура, победа! Оживившаяся Наталья уверенно пошла в центр города и через несколько минут самостоятельно вышла на площадь с фонтаном.

Но мужа, горячо любимого супруга, тут не было. Призрачная надежда на встречу в оговоренном месте растаяла, как туман над утренним морем. А жаль, она уже была готова ему все простить.

Обессиленная Наталья Павловна подошла к фонтану, опустила в прохладную воду руки. Что делать дальше, она не знала.

— Вам нужно уйти с солнцепека, — раздался приятный мужской голос за спиной. — Пойдемте к нам в ресторан, посидите в тени, отдохнете.

Наталья обернулась. Перед ней стоял пожилой усатый мужчина в белоснежной рубашке и черных брюках. Лицо незнакомца внушало доверие.

Наталья Павловна посмотрела на свои покрасневшие плечи, кивнула в знак согласия и покорно пошла следом за обычнейшим зазывалой, тонко уловившим беспомощность в ее поведении.

«Просто посижу, ничего заказывать не буду. стакан воды, поди, бесплатно дадут».

Официант пристроил русскую туристку за отдельный столик на веранде второго этажа, ненавязчиво положил перед ней меню на русском. Через пару минут он появился снова и предложил сделать заказ.

«Пожалуй, стоит перекусить, а то с самого утра маковой росинки во рту не было. Закажу совсем немного, так, чисто символически: салатик и кофе».

Выслушав заказ, официант осведомился, какое вино будет пить гостья: красное, белое, розовое?

Наталья, «на автомате», выбрала розовое.

«Черт, зачем я вино-то заказала? Да ладно, с одного бокала со мной ничего не будет».

За обедом, рассматривая в ожидании мужа площадь, Наталья краем глаза изучала веранду. Периодически на ней появлялся крепкий кудрявый мужчина лет тридцати пяти, лично приносивший счет посетителям. Официанты называли его Димитрис.

Доев и допив, Наталья полезла в сумочку и с ужасом вспомнила, что у нее с собой нет местной валюты. Да откуда ей появиться, если за все покупки в отпуске всегда рассчитывался муж!

Счет за скромный перекус потянул на двенадцать евро.

«Офигеть! Ну и цены здесь! Салат с креветками, кофе и бокал кислого вина — двенадцать евро. И тех, как нарочно, нет. И мужа, с деньгами или без денег, нет! Что за день такой!»

Заметив, что у посетительницы какие-то трудности, Димитрис с улицы позвал русскоговорящего зазывалу.

— Элла! — воскликнул тот, узнав в чем дело. — Совсем нет денег? Нисколько?

— Элла! — вторили ему официанты. — Как можно кушать, если с собой нет денег? А что в сумке?

Димитрис бесцеремонно отобрал у Натальи дамскую сумочку и вытряхнул ее содержимое на стол. Оказалось, что в кошельке есть две тысячерублевые купюры и несколько российских монет. Евро не было ни цента.

— Забирайте две тысячи, и хватит с вас! — взбрыкнула Наталья. — Две наших тысячи — это больше, чем ваших сорок евро. Сдачу себе оставите.

— Какую сдачу! — возмущались рестораторы. — Где мы тебе эти рубли обменивать будем, у нас их ни один банк не примет! Ты, если такая умная, вначале бы обменяла свои бумажки на евро, а потом бы есть садилась. Если не заплатишь, мы сейчас полицию вызовем. Тебя в тюрьму посадят!

— Вызывай кого хочешь! — парировала Наталья. — Сказано тебе, нет денег, и точка!

На шум и гам пришел управляющий рестораном. Не успел он сказать свое веское слово, как на веранду поднялся полицейский в форменной бейсболке.

Все разом стихли. Вмешательства в конфликт полиции никто не хотел: Наталья боялась подставить мужа, а рестораторы не желали портить репутацию заведения.

Сев за столик, полицейский закурил, сделал ближайшему официанту заказ. Управляющий жестом позвал Наталью за собой.

— Значит так, — через переводчика сказал он, — если у тебя нет денег, то до вечера будешь работать на кухне. Если не согласна, то мы обращаемся в полицию.

— Жлобы! Позоритесь из-за каких-то двенадцати евро!

Но делать было нечего, и Наталья пошла в подсобку.

На кухне «новенькую» поставили на самую грязную работу: очищать и мыть тарелки, сковороды и кастрюли. На этом посту она сменила молодую светловоло-

сюю женщину, переместившуюся на протирку посуды. В волосах у светловолосой было две заколки: голубая и желтая. Говорила она, обращаясь к еще одной женщине, по-украински. Наталья так решила, что по-украински.

Светловолосая посудомойка сразу же невзлюбила Наталью: пару раз заставила перемыть совершенно чистые тарелки, специально опрокинула ей на ноги таз с мыльной водой, к месту и не к месту злобно, сквозь зубы шипела: «Колорадо!»

Час-другой Наталья не обращала внимания на придирки, потом ей это стало надоедать. Но поговорить со злобной соседкой, словесно выяснить отношения она не могла — трудна и непонятна была для Натальи «украинская мова».

«Чего она, сволочь, ко мне придирается? Что я ей-то плохого сделала? — внутренне негодовала Наталья Павловна. — Понятно было бы, если бы ей зарплату из-за меня урезали. Так я на ее заработок не покушаюсь. И к присоединению Крыма я отношения не имею».

На кухню зашел Димитрис, налил себе горячего чая, сел в углу, рассматривая новую работницу.

Наталья показала ему хрупкой, поникшей и беззащитной. Но зря, зря он так подумал! Внешность обманчива. Наталья Павловна была женщиной крепких сибирских кровей. В роду у нее все умели за себя постоять.

«Или я сейчас им дам отпор, или они меня заклюют, и я до вечера не доживу», — решила Наталья.

Она опустила в воду полотенце, сложила его вдвое и скрутила в плотный жгут. Получилось подобие гибкой, но увесистой дубинки.

«Кто первый начнет, тот и получит». — В глазах Натальи Павловны появился стальной отблеск, губы сжались, мышцы напряглись.

Ничего не подозревающая украинка издевательски бросила в мойку перебивать еще одну тарелку и, потрясая перед собой кулаком, завывала: «У, колорадо!»

Наталья взмахнула жгутом и крепко врезала посудомойке по зубам.

— Вот тебе, сволочь, за «колорадо»! А вот тебе за тарелку! — Второй удар пришелся куда-то в область уха.

Димитрис, опрокинув чай, вскочил и бросился нейтрализовать взбесившуюся русскую, но получил отпор: кончиком жгута, как кистенем, наотмашь, Наталья поразила его прямо в висок. Грек охнул, уходя в нокаут, глупо улыбнулся и плавно сложился на грязном мокром полу.

На кухне все разом завопили, наступил хаос и бардак.

Вмиг обессилевшая Наталья отшвырнула полотенце и заплакала.

— Ты чего дерешься? — вытирая кровь с разбитого носа, по-русски спросила посудомойка.

— А ты чего обзываешься? — огрызнулась новенькая.

— Я обзываюсь? — Установление речевого контакта позволило установить многое.

Во-первых, потерпевшая оказалась не украинкой, а полячкой (тут разница невелика). Во-вторых, что самое обидное, «колорадо» оказалось не жуком и не ругательством, а известным родосским казино, где сожитель посудомойки вчера просадил всю недельную зарплату.

Улаживать конфликт прибежал сам управляющий. Он, коротко расспросив стороны, вынес вердикт — русскую скандалистку выгнать вон, обед считать отработанным.

Пришедший в себя после нокаута Димитрис взял Наталью за руку и вывел из ресторана на сверкающую огнями ночную улицу. Нигде не останавливаясь, он повел ее по закоулкам Старого Города, но вместо того, чтобы вывести несостоявшуюся работницу к остановке, привел к себе домой.

Наталья не протестовала ни когда шла, ни когда поняла, куда пришли. А что ей еще оставалось делать, одной, без денег, в чужом незнакомом городе? Рвануть в отель пешком? Так она совершенно не представляла, в какую сторону надо идти. Пространственный кретинизм, ничего не попишешь!

Ресторатор жил один, в небольшой комнате на втором этаже двухэтажного дома. Окна его жилища были закрыты от солнца деревянными ставнями, на улице выходил крошечный балкончик. Со времен владычества крестоносцев в этом жилище изменилось немного: часть комнаты переделали под санузел, провели электричество, стены оштукатурили. Остальные блага цивилизации прошли мимо.

Димитрис мог бы объяснить смущенной спартанской обстановкой госте, что у него есть другая, большая просторная квартира в современной части города, а эту он использует только для определенных целей. Но он не говорил по-русски, а Наталья по-гречески знала только «доброе утро» и «спасибо». Еще она выучила слово «элла», которое у островитян означает избыток чувств различного происхождения.

Как хозяин, грек быстро накрыл стол, откупорил бутылку вина. Наталья, намучавшаяся за день, успокоилась, досыта поела, выпила. После второго бокала она почувствовала легкое приятное опьянение.

«А мужик он вроде бы ничего, симпатичный... Один раз, никто же не узнает... Женька сам виноват, бросил меня тут одну, на съедение волкам».

Она встала, сняла через голову платье и пошла в душ.

Наутро, едва забрезжил рассвет, Димитрис вывел Наталью на автобусную остановку. После бессонной ночи чувствовал он себя неважно, опустошенным морально и физически. Случайная любовница выжала из него все соки. Сексуальные фантазии русской были неистошмы.

— Ну что ж, давай прощаться! — Наталья притянула грека к себе, чувственно поцеловала. — Как знать, может, еще свидимся.

По пустынной трассе автобус мигом домчал Наталью до отеля. Войдя в номер, она убедилась, что муж не появился. Если бы он оказался на месте, то это создало бы определенные проблемы, а так...

Через пять минут она крепко спала в своей кровати.

...Сколько времени продолжался допрос, Самолетов не знал. Часы у него отбрали, окон в комнате не было.

Утомившись, американцы сделали перерыв. Евгения Львовича освободили от пут, дали закурить. Гарри, который был главным среди цэрэушников, вышел позвонить жене. Майк развалился на стуле и играл телефоном. Джон причастился оставленным без присмотра виски, стал благодушнее.

— А почему между собой вы разговариваете по-русски? — воспользовавшись паузой, попытался навести контакт с похитителями Евгений Львович.

— Внутренняя инструкция ЦРУ запрещает в присутствии допрашиваемого общаться между собой на непонятном ему языке. — Джон подумал и плеснул себе еще виски. — Ты же английский в школе как учил, на троечку? Вот мы и вынуждены, чтобы не ущемлять твои гражданские права, говорить исключительно по-русски.

— А Майк мне два раза дубиной по ребрам съездил тоже из уважения к моим правам?

Чернокожий, услышав свое имя, встрепенулся, как гончая при звуке охотничьего рожка.

— Майк был вынужден прибегнуть к физическому воздействию, чтобы побыстрее избавить тебя от пагубного воздействия путинской пропаганды. К нашему сожалению, путь к познанию истинных демократических ценностей иногда лежит через применение силы.

«Как в Ираке и Ливии?» — чуть было не съязвил Самолетов, но вовремя сдержался.

— Джон, я вот что-то не пойму, а с чего это вы, американцы, вдруг встали горой за Украину? Раньше как-то с прохладцей к ней относились, а сейчас защищаете ее, как штат Колорадо.

— Путин, конечно же, во всем виноват. Зубы стал показывать, дерзить. Шучу, шучу, Евгений! Не в Путине дело. У нас, в Америке, проживает около миллиона выходящих из Украины. Из Западной Украины, если быть точным. И этот миллион украинцев имеет наше гражданство, то есть все они являются избирателями, и все они, естественно, не любят Россию. Конгресс просто вынужден учитывать их пожелания во внешней политике. Избиратели, они такие — чуть что не так, махом на выборах за другую партию проголосуют. Был бы у нас, Евгений, миллион киргизов, сейчас бы Госдеп за них рубашку на груди рвал.

Вернулся недовольный Гарри.

— Что за народ женщины! Сказал же: ужинай одна. Нет, началось: где ты, с кем ты, не придешь ли опять поддатым... Женя, у вас такая же фигня? Ладно, вернемся к нашим баранам. Итак, мой русский друг, тебе запретили выезд за границу.

— Не мне одному, а всем полицейским. Я уже объяснял...

— Помню, помню! Но, согласись, должна же быть какая-то логика в этом запрете.

— Вопрос не ко мне, я дурацкие директивы не издаю. Но давайте посмотрим на все с другой стороны — вы-то меня зачем похитили? Думали, что я носитель сверхсекретных сведений государственной важности? С моей-то должностью?

— А мы-то тут при чем? — изумились американцы. — Нам приказали, мы тебя и похитили. У нас как в Лэнгли думают: если русским полицейским запретили выезд, значит, на то есть веская причина. Причина, как выясняется, в перераспределении туристических потоков, а не в секретности и провокациях наших спецслужб. Клянусь, кроме русского правительства, до такого никто бы не смог додуматься. Джон, что в центр докладывать будем? Этот бред, что он несет про Крым?

— Скандал будет с моим похищением, — мстительно вставил Самолетов.

— Пошутил, что ли? Кто тебе поверит, что ты не пьяный где-то под забором валялся, а у нас был? И кому ты будешь жаловаться, русскому консулу, что ли? Не забудь ему покаяться, что самовольно в Грецию выехал, он тебя похвалит.

— Гарри, — предложил второй агент, — а давай напишем в донесении, что он занимался разведывательной деятельностью? Приехал сюда под видом полицейского, а сам шпионил за объектами НАТО. Все какой-то прок с его поимки будет.

— Где ты здесь видел военные объекты?

— Катер с пушкой в порту стоит, — неожиданно для себя сказал Самолетов.

— Чушь! — отмахнулся Гарри. — Этот катер спустили на воду в тот год, когда ты самостоятельно в первый раз на горшок ходил. Чего в нем разведывать-то? Сколько он еще на воде продержится, пока не затонет?

— Гарри, пойдем выйдем, — агент Джон вывел коллегу в другую комнату.

Отсутствовали они минут десять и вернулись с долговязым субъектом в очках. Не говоря ни слова, незнакомец подошел к Самолетову и уколол его в шею. В считанные секунды сознание покинуло пленника. Как и на улице Рыцарей, цэрэушники не дали Евгению Львовичу упасть: подхватили под руки, аккуратно положили на пол.

Ранним утром, едва над горизонтом взошло солнце, цыгане Яннис и Лука, с мальчиками двенадцати, десяти и шести лет, на стареньком потрепанном пикапе приехали на городскую свалку. Выйдя из машины, мужчины закурили, а пацаны пошли промышлять по свежим кучам мусора, выискивая все, что можно продать,

съесть или обменять. Цыгане кормились и одевались со свалки, она была их местом постоянной «работы».

Неожиданно ближайшая куча пустых коробок зашевелилась, и оттуда вылез человек в одних трусах.

— Царица небесная! — набожно перекрестились мужики. — Не дай повториться этой истории с пьяным немецким туристом! В прошлый раз полдня в полиции пролежал, ничего не заработали!

В прошлый раз перепивший турист был одет и имел при себе сотовый телефон, с которого вызвал полицию. Прибывшим стражам порядка немец объяснил, что цыгане отобрали у него все деньги, которые он на самом деле пропил. Благо полицейские знали безобидный нрав цыган и после недолгого разбирательства отпустили их.

— Дети! — крикнул Лука. — Быстро в машину и мотаем отсюда!

Не успели они занять места в пикапе, как услышали грозный рык:

— Стоять!

Евгений Львович, а из мусора вылез именно он, вырос в неблагополучном районе, начинал карьеру в полиции участковым и прекрасно знал, как нужно разговаривать с маргиналами.

— Стоять! — Евгений рывком так, что мужики пригнулись от страха, дети заплакали, а младшенький цыганенок от испуга сикнул в штаны и заревел громче остальных.

— Где море? Сколько времени? Далеко до города? — В глазах у Самолетова цыгане двоились и троились. Детей вокруг машины прыгало не меньше десятка.

— Лука, Лука, — забеспокоился второй цыган, — ты только ему не перечь, отдай ему все, что попросит. Я снова в полицию загреметь не хочу.

— А чего он спрашивает? — Цыгане по-русски, естественно, не понимали.

— «Море» говорит. По-английски это значит, что, мол, еще ему надо, добавить хочет. — Яннис интернационально пощелкал пальцем по горлу. — Пьяница проклятый! Как только таких алкоголиков земля носит.

— Яннис, его же голого никуда не пустят. Придется своей одежкой пожертвовать, иначе мы от него не избавимся.

Самолетову цыгане отдали практически новую футболку (Лука носил ее всего второй месяц), сандалии и начатую пачку сигарет с зажигалкой. Младшенький цыганенок хотел отдать грозному иностранцу запрятанные за шейкой пятьдесят центов, но передумал в последний момент и остался при деньгах.

Не успел Евгений Львович прикурить дармовую сигарету, а мусоросборщиков уже и след простыл. Плохо соображая, куда надо идти и где искать дорогу к отелю, Самолетов побрел по склону горы вниз, в сторону моря и трассы, что вела вокруг всего острова.

Внешний вид одинокого путника не привлекал внимания — цветастые трусы Самолетова со стороны можно было принять за шорты неудачного покроя, футболка была относительно чистой, а в непритязательных сандалиях на босу ногу на Родосе ходят практически все.

На развилке Евгений Львович осмотрелся, сориентировался по дорожному указателю и пошел от города на юг, в сторону отеля. Не прошло и часа, как он осторожно постучал в дверь своего номера.

Заспанная Наталья была ошарашена внешним видом мужа.

— Женя, что с тобой? Ты откуда в таком виде? Что за мерзкий запах от тебя?

— Мать твою, — психанул Самолетов, — какой еще запах! Ты не видишь, что ли, что меня цыгане ограбили и избили? Хорошо хоть живой остался...

Супруги обменялись заранее приготовленными версиями и сделали вид, что поверили друг другу. Евгений Львович не стал расспрашивать, как это Наталья исхитри-

лась одна ночью пешком дойти до отеля, а супруга не высказала удивления, почему у «избитого» мужа нет ни одного синяка и где он, « в беспамятстве», провел всю ночь.

На другой день отпуск вошел в свой обычный ритм: столовая — пляж — коктейли у бассейна.

Отставной военный Григорий уезжал раньше Самолетовых. В последний день пребывания на Родосе он пригласил Евгения Львовича с супругой в небольшой уютный рестораник на берегу моря.

— Как ты думаешь, — спросил подвыпивший Самолетов, — запрет на выезд за границу точно связан с Крымом или нет?

— Крым тут ни при чем! — уверенно ответил Григорий. — Правительство готовится опустить «железный занавес», вот и тренируется на силовиках. Вначале, как водится, проверят реакцию общества на людях подневольных — полицейских и военных, потом запретят выезд госслужащим, а потом и всем подряд.

— Зачем? — Евгений Львович как-то не думал о такой подоплеке запрета.

— Чтобы несознательные граждане на ПМЖ за бугор не свалили. В России-матушке с каждым днем жизнь становится все труднее и, как бы это сказать, некомфортнее, что ли...

Быстро опустилась ночь. На обезлюдевшем пляже, скудно освещаемом фонарями с набережной, на лежаках стали располагаться на ночевку туристы-экстремалы. Двое влюбленных с бутылкой шампанского прошли по кромке приобоя в сторону искусственной пещеры. В соседнем отеле началась дискотека.

— Наш народ, Женя, способен стойко выдержать любые невзгоды. Санкциями нас не сломить. Но когда простые граждане не понимают, на кой черт их каждый божий день душат новыми и новыми запретами, вот тогда и появляется мыслишка — а не послать ли всех по известному адресу да не рвануть ли в страну, где парламент — это выборный орган, а депутаты не ищут член на купюрах. Где нас, русских, считают братьями. Например, сюда, в Грецию. Или на Кипр. Был я на Кипре, там каждая вторая вывеска на русском языке и в каждой забегаловке меню на русском. Но, друг мой, хватит о грустном! Здесь не то место, где надо лить слезы о трудностях бытия!

Вскоре супруги Самолетовы в составе большой организованной группы совершили вояж за шубой. Цена за обновку приятно порадовала главу семейства, а Наталья просто была на седьмом небе от счастья. Отпуск удался, мечты сбылись! Про Димитриса муж не догадывался.

По прибытии на родину Евгений Львович обратился в ФСБ и честно рассказал о своих контактах с агентами ЦРУ. Ему велели молчать до поры до времени и ждать, не выплывет ли эта история наружу. Из Сибири депеша о злоключениях нарушившего запрет полицейского ушла в Москву, и там успели подготовиться к любому развитию событий.

Неприятности не заставили себя ждать.

На очередном брифинге для иностранных журналистов официальный представитель Госдепа США Джейн Псаки заявила:

— На Родосе сотрудниками спецслужб разоблачен тайный агент российской разведки по фамилии Самолетов, который собирал сведения о военно-морских силах стран НАТО. Я уполномочена предъявить вам, господа, вещественные доказательства его шпионской деятельности. Пред вами на слайдах фотографии, сделанные Самолетовым. Вот он сам на фоне крепостных стен, вот на этих фотографиях его жена. А вот это военный корабль ВМС Греции, за которым российский шпион вел наблюдение.

— Какой корабль, — удивились журналисты, — вот этот старый патрульный катер? А чего за ним наблюдать-то, он у самой городской стены стоит, у всех на виду.

— Вы не желаете понять очевидного, — стала злиться Псаки. — Старый корабль или новый, разницы нет. Главное, что русский шпион его фотографировал и был разоблачен.

— А кто сказал, что он шпион?

— У наших разведслужб на этот счет есть неопровержимые доказательства, которые я, по понятным причинам, пока не могу вам представить.

— А куда делся шпион, его арестовали?

— У меня про это ничего не написано. — Псаки дурашливо перебрала бумаги перед собой. — Я выясню этот вопрос и на следующем брифинге проинформирую вас.

В Москве, на пресс-конференции в МИДе, тоже затронули тему разоблачения Самолетова. Отвечал, ни много ни мало, заместитель министра Лаврова.

— Ситуация, коллеги, очень проста — гражданин России Евгений Самолетов по туристической путевке отдыхал на острове Родос. Там у него украли фотоаппарат. На этом фотоаппарате, до момента его похищения, были засняты обычные греческие пейзажи и исторические достопримечательности. А вот после того как этот фотоаппарат попал в руки нечистоплотных агентов ЦРУ, на нем появляются снимки загадочного военного катера. Это мелкое жульничество, господа, — выдавать пару фотографий катера в порту за разоблачение шпионской деятельности.

— Хорошо, хоть фотографий кабинета директора ЦРУ не предьявили! — пошутил соведущий пресс-конференции.

— Что, что? — Сквозь хохот представитель МИДа еле расслышал вопрос из зала. — Коллеги, я уже в который раз вынужден опровергать эти слухи. Нет и не было никакого приказа о запрещении сотрудникам силовых ведомств выезжать в отпуск за границу. Да, была рекомендация, но она никакой силы приказа не имеет. Поездка Самолетова на Родос тому наглядное подтверждение. Захотел человек — и поехал...

Судьба Евгения Львовича решалась не где-нибудь, а в Администрации Президента России.

— Его надо гнать из органов за нарушение приказа! — горячился один из референтов.

— Кого ты гнать собрался? — оппонировал другой. — Самолетов — это истинный патриот нашей Родины: его били, пытали в застенках ЦРУ, но он не сломался и не опозорил честь российского офицера! Его надо наградить. Орденом. Или медалью.

— За то, что самовольно за границу выехал? — нахмурил брови глава Администрации.

— Его еще и ограбили, — упорствовал защитник Самолетова. — Раздели, раздули, фотоаппарат отобрали. Давайте ему хоть убытки компенсируем...

К ноябрю, когда мировые СМИ позабыли о Самолетове, Евгения Львовича перевели на работу в аппарат областного УВД и без лишнего шума досрочно уволили на пенсию.

«Легко отделался!» — единодушно решили все, кто знал об этой истории.

